

Ваятель крылатых львов

Вос. Москва. 1999. 28 окт. с. 7

Честно говоря, я не питала особой тяги ко всяким там разделочным доскам, деревянным ложкам-плошкам-поварешкам и прочим орудиям добровольного порабощения женщины на кухне. Пока на одной из выставок не увидела резные работы **Вячеслава МИШАНОВА**.

Ирина КОРНЕЕВА

— Вячеслав Борисович, вы домашним позволяете пользоваться такой красотой в быту?

— Дело не в том, позволяю или нет. В них функциональная нагрузка не заложена. В вазочку можно, конечно, конфеты положить. А что делать с ковшем-скобарем да еще новгородского типа? Обычно их расписывали, а я вырезал рисунок. Или блюда — раньше на Руси с них какую-нибудь капусту ели, а теперь в деревянные мисочки в лучшем случае орешки положат... Вот кружечки, одна из лучших таких ушла в подарок на 60-летие ректору МГУ Виктору Садовничему, студсовет заказывал. А вот таяла — длинные резные доски — их в церквях использовали, закрывая иконостас, в промежутке между иконами. Говорят, что в русских церквях никакой резбы не было, что она только у греков встречается. Но русская резная церковная скульптура существовала, об этом, правда, мало народу знает. С XIV — XV века еще сохранились вещи, хоть монголы и походили здесь, пожгли церквей массу. Что осталось — в музеях лежит, в запасниках.

— Вам удавалось попасть туда?

— Нет, хотя возможности были. Я много ездил по России, пять лет мотался по командировкам от Урала до Калининграда. А так как в субботу-воскресенье командированным делать нечего, я практически все местные областные музеи изучил. По сей день привычка осталась — по музеям ходить. Но в последнее время выставки какое-то гнетущее впечатление оставляют. Жизнь серая, приходишь, и там все в коричнево-серых тонах. Поэтому, когда я вижу примитивистов, в восторг прихожу. Умеют — не умеют рисовать ребята, но так цвета «под себя» подбирают — жизнь плещет из их картин!

— Я знаю, вы работали в Ираке. А чужбине к дереву не тянуло?

— Мы строили сбросной канал Тигр—Евфрат. Там копаешь — песок, пустыня солончаковая, потом ил, а где-то через полметра песка — культурный слой. То тарелочку, то амфору найдешь, вдохновение,

можно сказать, из первоисточника черпаешь. У арабов и ребят, с кем работал, остались мои изделия. А многое побросали, когда эвакуировались, — в Ираке мне наводнение в пустыне пришлось пережить.

— Ужас.

— Было бурное таяние снегов в Сирии, сбрасывали воды, и дамбы не выдержали, по пустыне пошла вода. Дамбы охранялись арабами. Смотрим, прорывает, говорим, ребята, заделайте дырку, пока все не смело. В ответ: губернатор решает вопрос. — Ребята, заделывать срочно нужно, рядом стратегическая дорога, снесет же! — Мы решаем этот вопрос. В общем, когда они решили, вокруг уже было море разливное, два месяца вода в пустыне спадала. Дорогу смело, железку (железную дорогу, соединяющую Багдад с Басрой. — И. К.) смело... Двое суток мы пытались защитить свой поселок. Но когда вода уже по дороге пошла по циклотку, решили, что все, пора уезжать. На автобусах эвакуировались к нашим соседям — энергетикам. До них вода не дошла — рядом ТЭЦ стояла, которая пятьдесят процентов энергии Ираку давала, и ее уж берегли, как зеницу ока.

— Теперь впечатлений — на всю жизнь. Они в творчестве не нашли воплощения? Как всемирные потоки в дереве?

— Вы же видите, какие у меня мотивы.

— Да — коты, цветы, жар-птицы... Рисунки сами делаете?

— Конечно, иначе не интересно работать.

— А какое-то художественное образование есть?

— Нет. Хотя... В третьем классе нас собрали, сказали: рисуйте. И мы нарисовали, кто что умел. Из нескольких классов человек пять отобрали, предложили походить в школьную изостудию. Там я четыре года занимался, не отрицаю.

— И когда эти уроки пригодились? Давно резьбой по дереву занимаетесь?

— С 83-го года. Тогда я впервые выставил свои работы на художественной выставке при Мосгорисполкоме. Существовал такой по народному искусству.

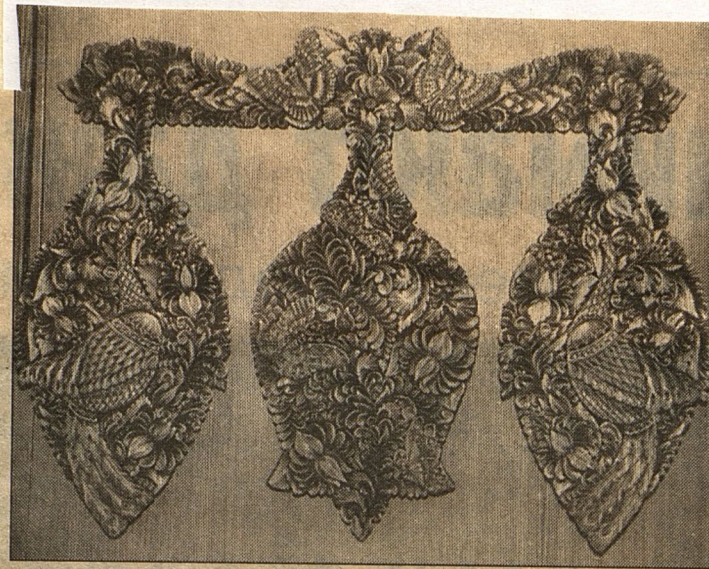
Вячеслав Мишанов.
В каждой руке — по авторской работе

Там заседала ткачиха, и она мне так хорошо врезала: «Почему это у вас грифоны целуются? И что это за львы с крыльями?». Хорошо, был там все-таки один художник, и он мне объяснил, что рисунки мои интересные, но для резьбы по дереву не годятся, вот если бы я предложил их для ткацкого производства, как купон по юбке, — на ура бы прошли. И посоветовал с ними связаться. Но я настолько разозлился на тот худсовет ткачихи с поварихой, забравшей три моих ра-

боты, что через месяц выставил уже пять, и все пять были признаны авторскими.

— Сколько обычно времени уходит, чтобы сделать, например, «конфетницу»?

— Дня три-четыре. А вот чтобы яичко получилось прорезное, нужно недели две. Ладья-лебедь в постоянной экспозиции музея на Леонтьевском стоит, так я к нему рисунок делал шесть месяцев, а потом еще резал полтора. Доски резал полтора месяца и два — руку ремонтировал,

Жар-птицу — на счастье, на кухню

швы накладывал. Нож сорвался, резцы же острые, как бритва. Но это издержки производства. Сейчас только в перчатках кожаных работаю: если зацепишь, то по крайней мере меньше. Главное, чтобы без пальца не остаться. А раны залижем, какие наши годы.

— С каких пор работы ваши музеи украшают?

— С прошлого года. Я остался после кризиса, будем так говорить, не у дел. Сидеть безработным достаточно сложно уже в моем возрасте — полтинник скоро. И я решил, что надо себя где-то искать по-новому. Я достаточно часто менял и иногда весьма кардинально свою жизнь, поэтому совершенно спокойно к этому отношусь. Думал, думал... Руки есть, голова тоже на месте. Занялся новым делом — резьбой по дереву.

— Дело-то прибыльное?

— Нет. В нищей стране искусство никому не нужно. Но чисто морально себя чувствую совсем по-другому.

— Художником?

— Может быть, не вполне. Но многие уже воспринимают меня как художника.

— Многие — это кто?

— Искусствоведы, художники, которые работают с деревом.

— А жена поддерживает?

— Как вам сказать... Каждый мужик — добытчик, должен деньги домой приносить, а я из дома тяну. На заготовки, на резцы... Но семья вроде дала карт-бланш на два года, чтобы раскрутиться.

— Спецзаказов от жены не получаете?

— Так, чтобы напрямую, — нет. Бывает, намеки поступают. За два месяца до дня рождения жена как-то заметила, что неплохо бы иметь шкапулку с несколькими секциями. Конечно, сделал такой подарок любимой женщине. Двадцать шесть лет прожили вместе.

— А какое дерево предпочитаете?

— Липу — это оптимальный вариант, березу, сосну. Но сосна колкая, а береза тяжелой режется. Осина мягкая, но волокнистая, задирает срезы. По случаю тут кусочек красного дерева достал. Есть у меня и кедр, полковник в отставке подарил. Увидел мои работы, говорит: «Я тоже начинал резать, но это все не то.

Поленья сохранились, лежат в гараже, приезжай, забирай, тебе не жалко отдать». Приехал я, а у него оказались два полена грушевого дерева, кедр и липа.

— Вы когда заготовки держите, легко отличаете, что это: кедр, груша, яблоня, вишня?

— Хвойные от фруктовых можно отличить. Осину от липы — по структуре дерева. Сосну с елкой не перепутаешь: у сосны более широкая структура, и у елки больше сучков. Яблоня — «цветуха», вся разноцветная, ее практически не используют. А у груши очень характерный скол: блестящий, симпатичный, с прожилочками. Березу я по весу определяю. Рукой чувствуешь, что это березовая доска.

— А по запаху?

— Тоже можно. Если насморк замучил, можно попробовать на зуб. Липа на вкус сладковатая, как чай с липовым цветом.

— А сосна для пищевых продуктов годится?

— Вполне. Вы в магазине доски покупаете разделочные? Они либо березовые, либо сосновые.

— Какая лучше? Говорят, разделанный на определенном дереве продукт вкуснее становится, чуть ли не полезнее. Это правда?

— Не знаю... Я разделяю на липовых досках. Береза, конечно, лучше. Хотя береза — деготь. А сосна — смола. Но обрабатывайте доску маслом, и все нормально будет.

— Как, расскажите напоследок.

— Берете обычное подсолнечное масло, без запаха желательно. Нагреваете духовку до 200 градусов, на пятнадцать минут промасленную доску кладете в духовочку, потом вынимаете, лишнее маслице чистой тряпочкой убираете, и у вас прекрасная доска для работы получается. Воду не пропускает, не трескается, не темнеет, не рассыхается. Начнет белеть, вы ее еще раз маслицем. Одного-двух раз обработки на несколько лет хватает.

P.S. Пока готовился материал, в жизни его главного героя произошли изменения. К послужному списку Вячеслава Мишанова добавилась новая должность — зам. генерального директора автокомбината. Человек не выдержал и покончил с вольными хлебами ради стабильного заработка.